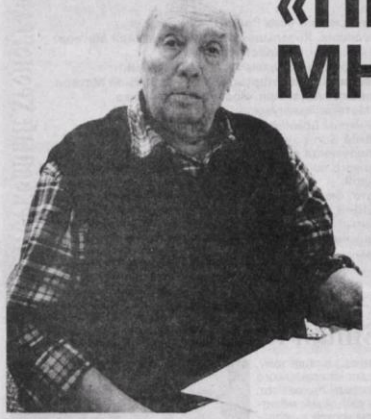
«ПРОШЛО УЖЕ МНОГ МНОЮ НЕМЕЦ НЕТ–Н



Первоуралец МИХАИЛ УСОВ старожилам известен как трубопрокатчик с горячего стана 220. В пятидесятые годы в прославленном первом цехе, который нынче отмечает юбилей, он работал мастером, был освобожденным секретарем парторганизации. Потом возглавлял предприятие ТИМ в Билимбае и был директором Крылосовского известкового завода.

Родился в Башкирии. Там, в селе Сикияз, еще сохранился добротный родительский дом. А в центре, на памятнике сельчанам, погибшим в годы гражданской и Великой Отечественной войны, высечены фамилии его деда (был повешен за отказ служить Колчаку) и отца.

Ветерану уже за восемьдесят, с двадцать шестого года. До сих пор бодр, общителен, открыт. Без бумажки называет фамилии своих однополчан. Не чурается общественных дел. Член правления коллективного сада. В школах выступает, когда приглашают.

Свои долголетие и память объясняет крестьянской закалкой. И вообще, НАТУРА. Про таких, как он, говорят: прошел огонь, воду и медные трубы, попал к черту в зубы – и то вышел.

Закончил семилетку. Нарушением всего уклада мирной сельской жизни стала война. Отец, комиссар полка, погиб под Смоленском. Миша Усов в неполные семнадцать мальчишеских лет готов был рвануть на фронт. Но был направлен райкомом комсомола в военное училище, в Оренбург. Правда, потом, уже находясь в действующей армии, не в самые элитные войска попал. Как парня деревенского, физически выносливого, знакомого с топором и лопатой, его определили в особый саперный батальон. Пришлось воевать также в качестве артиллериста и разведчика.

Дошел до рейхстага. В Германии отслужил два года, до демобилизации в 1947 году. И в Берлине снова побывал уже в составе ветеранской делегации лет пять назад.

- Известно, что сапер ошибается только раз. Страшная это работа! - начинает свой рассказ о военной молодости Михаил Григорьевич. - *Обычно нейтральная зона находится в 30-50 метрах от траншей противника. Во время артподготовки мне и моим товарищам необходимо было проползти эти смертельные метры и буквально под носом у врага разрезать колючую проволоку, снять мины, поставить указатели с надписью "проход". Потом надо суметь приползти живым обратно и сдать старшине снятые мины, катушки, детонаторы, капсюли, воспламенители.*

Еще саперное дело – наводить мосты.

- Когда я приезжал уже после войны, в пятидесятые годы, в Днепропетровск, то там все еще исправно служил людям мост, построенный нашими саперами как временный. Вода для нас – родная стихия. Скажем, вышли к мосту, обнаружили немецкий фугас, обезвредили его. Надо ящики с толом по 50 кг передавать на берег. Вот и лезешь в холодную воду. Но что характерно: никаких простудных заболеваний!

- Вспомните, пожалуйста, Михаил Григорьевич, несколько ярких эпизодов из фронтовой жизни.

В ответ мой собеседник приносит фотоальбом и стопку листков со своими мемуарами (он еще и стихи пишет!) Лет десять назад бывший солдат попытался доверить бумаге некоторые, особенно врезавшиеся в память военные эпизоды. Мы углубляемся в прошлое. Усов читает мне вслух отрывки и тут же отвечает на вопросы, разъясняет, живо дополняет рассказы о пережитом.

- Извините. Миша, пора принимать лекарство...- прерывает нашу беседу его супруга Евгения Ивановна. Тоже новотрубница. Начинала в шестом цехе, заканчивала в техотделе завода. Вместе уже более полувека.

Придя домой, я перечитываю бесхитростные, порою окрашенные легким юмором усовские воспоминания. Поистине война у каждого была своя. Вот такой, без прикрас, с неповторимыми деталями, он, фронтовик Михаил Усов, увидел ее шесть десятилетий назад. И сохранил в сердце.

Общество советско-французской дружбы. Справа переводчик Мишель, освобожденный из немецкого плена

ПОД ОПЕКОЙ "СТАРИЧКОВ"

Вспоминаю свои первые дни войны сапером. Мы готовим проволочные заграждения. Задание – связать за день 13 рогаток. Погода дрянная. Связал только шесть. Все руки в крови. Надо ведь колючую проволоку брать голыми руками и обтягивать ею сколоченную из дерева рогатку.

Подходит старший сержант. Ему за сорок. Невзирая на приказ лейтенанта ("Не помогать! У нас не колхоз"), по-отечески показывает мне, как удобнее проволоку взять, чтобы колючки остались в согнутой ладони... После этих уроков научился вязать быстро и не цеплялся за иголки.

Старшие товарищи научили, как исхитриться ставить мины не по уставу, экономя время. Не под пласт земли, а под пучок травы, кустик. И так, чтобы немцы не догадались. Если поначалу я за ночь ставил 50 штук, то потом стал выполнять задание. А это значит, был способен уложить свою норму - 180 мин.

У меня ботинки с обмотками (сапоги получил лишь через год, по лендлизу поступили). По совету бывалых минеров обмотки снимал и мины на них навешивал. Спереди и сзади. Так чуть не половину мин сразу уносил на свой участок.

Я сейчас, с высоты прожитых лет, с огромной благодарностью вспоминаю своих сослуживцев–"старичков". Они, старые солдаты, делали все возможное, что было в их силах, чтобы нас, пацанов, уберечь от пули, осколка, чтобы мы от каждого разрыва не шарахались, но и берегли себя, побыстрее усвоили особые навыки саперной работы.

Вспоминаю, как мы под Великими Луками на танкоопасном направлении поставили фугас – 1,5 тонны взрывчатки. Вывели проводки на пульт управления. Натаскали листьев из леса и замаскировали. "Немчура" примерно за сто метров до нашего "подарка" остановилась. У них было несколько боевых машин. Вышли из танков, посовещаться. Я у пульта ни жив ни мертв. Вдруг заподозрят неладное!

Но вот они пошли к технике. Взревели моторы... От мощного взрыва башни двух танков у них отлетели аж на двести метров от дороги. У нас же от радости – взрыв эмоций, чуть ли не танец дикарей. Я после армии играл в футбол за саткинский "Спартак". Забивал иногда голы. Но не помню, чтобы мы на поле так проявляли неудержимое, всеобщее ликование, как тогда...

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Наш саперный батальон 115-й стрелковой Холмской дивизии входил в состав Первого Белорусского фронта. Шли бои местного значения. Неделю назад был безуспешный бой за овладение небольшой высотой. В 8.00 взвилась ракета, надо идти в атаку, а немцы открыли такой шквальный огонь по нашей траншее из пушек и пулеметов, что головы не поднять.

Прибежал старшина и, употребив трехэтажные матерные выражения, приказал ползти вперед и снимать мины, резать колючую проволоку. Нам удалось по-пластунски добраться до переднего края фрицев. В это время немецкий пулемет ударил очередью по нам. Мне повезло, а вот командиру пуля вошла в правую сторону шеи и вышла в левую. Кровь так и хлынула. Я наскоро перевязал его, потащил.

В это время немцы вышли из траншей и кинулись встречать нашу пехоту, бросившуюся наконец в атаку. Завязался рукопашный бой. Вдруг метрах в десяти от меня разорвался снаряд, и осколком командир был убит. У меня – слезы на глазах. Все равно его тащу, а куда – не знаю. Все перемешалось в пылу боя. Где наши, где немцы? Заблудился. Незаметно стемнело.

Слышу – на меня кто-то идет.

- Стой, кто идет?

В ответ напряженное молчание. Заряжаю винтовку и стреляю на звук.

Тут развесистая ракета - из пяти-шести частей - повисает надо мной. Становится светло как днем. Вижу: метрах в пяти от меня стоит молодой, высокий, белобрысый немец с автоматом на шее, а в глазах у него немой вопрос: "Что ты со мной сделал, русский?" Он, выкинув руки вперед, вдруг падает в мою сторону, и я, бросив все, с криком мчусь куда-то. Пока внезапно не натыкаюсь на крики своих:

- ...Давай влево! Увидишь черный шнур, по нему ползи в траншею. Мы тебя встретим.

Прошло уже много лет, а тот немец нет-нет да и приснится мне. Как живой стоит. Во весь рост, со своим укором в глазах. Кажется, медики дали таким повторяющимся снам определение: остаточные фронтовые явления.

Замкомполка по строевой майор Иванов

МНЕ ЕЩЕ РАЗ ПОВЕЗЛО

Готовится новое наступление. Нам приказано снять свои мины перед траншеями. Задание на каждого ми – 180 штук за ночь. Ползу к своим минам. Совсем не но я их оставил здесь. Смотрю, лежат они, миленькие, на ладони. Сверкают белыми боками, изготовленные лодыми фэззушниками в тылу. В отличие от аккура немецких мин, эти вышли "из-под топора". Но они – н и душа у меня радуется.

Снял уже 150 штук. Скоро выполню задание. Под заю к кусту, а внутри кто-то шепчет, даже приказыв "Поверни голову назад, шнурок развязался".

Поворачиваю голову с большой неохотой. В это вр по кусту раздается немецкая очередь из автомата. разрывные пули "дум-дум", как мы их называли. Нек рые оцарапали руки, а одна задела лоб. Ощущаю ка крови. Словом, мне еще раз повезло. Вот тогда я п мал: *"Бог все-таки есть"*. Иначе кто бы мне приказал вернуть голову от куста?

Надо сказать, что моя бабушка, которая прожила 93 г приучала меня ходить с ней в церковь. Особенно по о ковным праздникам. Бывало, откроет свой сундучок, танет сапоги, которые достались ей по наследству о бабки, и скажет ворчливо: *"Вот посмотри, Миша. По как новые. А тебе две недели назад купили ботинк они уже как на огне сгорели"*.

Затем она закидывала эти сапоги на плечо, брала к за руку и шла босиком до самой церквушки. Там бабу садилась на скамейку, надевала сапоги, лицо у нее новилось торжественно-строгим и одухотворенным. не торопясь входили в полутенный храм, и она начин усердно молиться. Я же, шалопай, улучив момент, н метно выскальзывал в ограду, находил там сверстни и мы предавались беспечным мальчишеским играм.

Вот бабушка наконец выходит. В руках у нее просви Снимает сапоги, вскидывает на плечо, и мы трога домой.

Сохранив эти детские воспоминания, я в трудную м ту на войне часто вспоминал Бога...

СМЕРТЬ СЕРЖАНТА ПОЛЕНОВА

Шла кропотливая, напряженная работа по подгот будущих целей. Сержант Поленов, оставшийся за с шего (наш командир, капитан Кизименко ушел на б рею и сказал, что вернется вечером) стал осматрива стереотрубу линию обстрела. Он увидел, что ветк одном из деревьев мешают разглядеть немецкие т шеи.

Отправил меня ставить перед нашим наблюдатель пунктом противотанковые мины ПТМ-1 и ПТМ-2, а сгорая от нетерпения, пошел спиливать мешающие ки. Будь они неладны! Залез на дерево. И обнаружил с

Я услышал сильный взрыв. Вначале подумал, что сработала одна из моих мин. Оказалось, немцы заме сержанта и аккуратно положили в его сторону из ше ствольного минометa один заряд. Когда я подбежал, наблюдательный пункт был весь разворочен. Поленов жал на спине и уже язык, весь белый, высунул изо рта был смертельно ранен и вскоре умер у меня на рука

На батарею я пришел как пришибленный и долго не успокоиться.

ЛЕТ, А ЭТОТ УБИТЫЙ Г ДА И ПРИСНИТСЯ МНЕ...»

ТРОФЕЙНЫЙ ВЕЛОСИПЕД

Расскажу об одном разминировании. Немцы пускались на всякие хитрости. Ехал я на переднем танке по пустынному большаку. Солнце жарит вовсю. Жара идет от брони. Весь в напряжении. Нет ни мин? Не видно ли уложенных фугасов?

Вот справа от дороги показался дом, блестевший на солнце свежей краской. Подходим и видим: на веранде, на видном месте, висит вражеский велосипед. Видно, что совсем новый. Что-то подозрительно, как приманка висит.

Наш танк остановился. Я поставил табличку "мины" и на животе стал пробираться к этому дому. Ощупывал каждый сантиметр саперным щупом. Вот обнаружил проводок. Мина. Начал потихоньку ее откапывать. Стук о железо. Значит, противотанковая. У таких мин четыре взрывателя: сверху, по бокам, снизу - и опытные немецкие минеры сразу ставят все четыре.

Так и есть. Снял. Вышел на веранду. Сразу же обнаружил две отводки от... велосипеда. Пришлось еще повозиться. Но сердце мое запрыгало от радости, когда танкисты похвалили мою работу. Они ведь поначалу подначивали меня: *"Ты, минер, бреешься ли? К нам из школы или детского сада?"*

Теперь убедились, что я нужный человек на фронте!

Взял трофейный велосипед и словно почувствовал себя в родном селе. Стал кататься по дороге, загруженной танками, машинами, повозками. Красноармейцы, потные от жары, ждавшие приказа двигаться дальше на запад, глядя на мои выкрутасы, улыбались. Солдаты-"старички" неспешно покуривали самокрутки и добродушно ворчали: *"Что за цирк? Вот молодежь! Сидел бы да отдыхал..."*

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ В МОЕЙ СОЛДАТСКОЙ ЖИЗНИ

Лето сорок четвертого. Наконец-то! Открыт путь на Минск. Немцы со своей 40-тысячной группировкой оказались в Бобруйском "котле". Катастрофа для них. Солома на нарах еще сохранила отпечатки их тел, валявшихся совсем недавно. Убитыми усыпана белорусская земля. После ста часов беспрерывного наступления наших войск хорошо организованные, закопавшиеся глубоко в траншеи, доты и дзоты гитлеровцы уже не прут нагло, а превратились в отребье, разношерстную толпу.

Но "котел" надо вычерпывать. Немцев вылавливают днем и ночью - из лесов, болот, оврагов. Поодиночке и толпами. Откормленные лошади фрицев бродят по полям в поисках пищи. Это наши трофеи.

Стою на посту и вдруг вижу, как из кустов выглядывает немец. Поднял вверх автомат, машет белым платком. Я уже знаю с десяток слов: *"Руки вверх!", "Иди сюда", "Гитлер капут"*...

Немец осторожно подходит, кладет автомат на землю и голодными глазами смотрит на наше ведро, в котором булькает картошка с мясом. Все уже проснулись. Завтракаем. Угощаем и пленного.

Подходит лейтенант Орлов и объясняет немцу: *"Иди обратно к своим и приводи их сюда. Мы всех накормим и отправим в тыл, с охраной. А по одному я возиться с вами не собираюсь... Ферштейн?"*

Оказывается, неподалеку, в болоте, скрываются несколько десятков фрицев. Получив от лейтенанта гарантии своей безопасности, они выходят к нам, и их отправляют на сборный пункт для военнопленных.

Не успела улечься пыль, поднятая немецкими сапогами, как на батарее появляется девушка в солдатском обмундировании. Она представляется нам как гвардии рядовая Слепухина из политотдела. *"Я хорошо говорю по-немецки. Отпросилась у своего командира на передовую. Хочу привести в плен отряд немцев. Помогите перейти передний край, боюсь нарваться на мины"*.

Все ясно. Противник сломлен, и девушке выпала возможность отличиться, может быть, даже медаль заслужить. Снимаю несколько мин и бесстрашная Слепухина по проходу уходит в сторону окруженных фрицев.

Рано утром она действительно проводит отряд военнопленных через нашу батарею. Увидев меня, улыбается и благосклонно разрешает... поцеловать ее в щечку. Так я получаю свою награду - первый горячий поцелуй в солдатской жизни. Конечно, не обходится без насмешек со стороны товарищей, но я стараюсь не обращать на них внимания.

Врага, подавленного морально, пошел "отлавливать" даже киномеханик нашей дивизионной передвижки. Даже наш повар кинулся вслед за ним!

В Берлине с угнанной в плен русской девушкой

БЕЛОРУССКИЕ БЛИЗНЕЦЫ

На нашем пути – Пуховичи. Перед ними – короткая остановка. Вперед идут танки с посаженной на них пехотой, за ними САУ. Мы поддерживаем артогнем.

Подается команда:

- По окраинам города, осколочным, десять снарядов, беглым... Огонь!

Даем десять снарядов, цепляем пушки к "студебеккерам". И снова вперед. Пуховичи взяты с ходу. Местных жителей понимаем без всяких переводчиков. Женщины со слезами на глазах целуют наши замасленные лица и рассказывают, что их белорусский город гитлеровцы превратили в место концлагерей и тюрем.

Здесь был создан отдельный лагерь для стариков, отдельный для 18-летних, был и отдельный женский лагерь. Во время оккупации фашисты почему-то выискивали и забирали близнецов.

Загадка разрешилась, когда нам повстречался один из лагерей смерти. Первое, что бросилось в глаза, асфальтированный плац, низкие бараки и аккуратно сложенная обувь перед ними.

- Братки, братки!

Вдруг из барака с криками к нам кидаются изможденные, бледные пары. Это белорусские братья и сестры – двойняшки. Они одновременно плачут и радуются. Как оказалось, гитлеровцы проводили здесь над ними бесчеловечные опыты, изучая природу близнецов. Впрыскивали болезнетворные вещества и всякую гадость. Использовали как подопытных кроликов.

Открываю вещмешок и отдаю этим несчастным свой НЗ. Так поступают и многие другие солдаты. Теперь нам дальше идти, на Витебск.

Весна 45-го на Эльбе

ВИТЕБСК

После войны я несколько раз бывал в этом древнем городе на Западной Двине. Восхищался мемориалом нашим воинам-освободителям. Под Витебском был построен большой комбинат, который выпускал столько доломитовой муки, что ее хватало для кислых почв как в Белоруссии, так и России.

А какой там проводится сегодня замечательный международный песенный фестиваль "Славянский базар"!

Но я помню и Витебск, усыпанный воронками, изрытый траншеями. В черном дыму. Кругом валялось горелое, ломаное железо. Фашистами был взорван мост через реку. И вот отчетливо помню, как на одном из первых домов, с правой стороны, после мощной артподготовки вдруг взвилось красное полотнище с надписью "Майор Бубликов". Это означало, что наша пехота взяла первый рубеж и вклинилась в город... Жители рассказали, что в городе до войны было около 100 тысяч человек, нас же встречало всего около двух тысяч. Многие ушли в партизаны, погибли в концлагерях.

Я видел, когда мы ехали на танке, полностью сожженные деревни. Только стоящие попарно столбы с перекладинами где-нибудь на отшибе, на таких белорусы сушили в дождливые дни снопы. Были повалены кресты, врытые по старинному обычаю при въезде в каждую деревню. Земля во многих дворах и огородах истыкана штыками, каратели искали зарытое имущество. Не слышен был крик петуха. Не пахло навозом. Забыт запах молодого сена. Не для кого готовить корм на зиму. И гнезда аистов пустуют... Жуткое зрелище!

В МЕДСАНБАТЕ

Целый день шел бой, во время которого, понятно, забываешь. А тут, расположившись в «красном» уголк битом ранеными, я вдруг почувствовал запах жареной тошки, и меня охватило чувство голода. Миловидная м стричка принесла бутерброды. Я старался есть медле растягивая удовольствие.

Вдруг меня подзывает к себе знаками солдат, ранен голову и весь в бинтах. Подает записку: *"Миша, съеш меня бутерброд. Я не могу есть"*. Узнаю его. Это пуле чик нашего полка Глеб Васильевич. Я пишу: "Куда ран Он письменно отвечает: *"Немец положил мину прямо пулемет. Мне щитом оборвало верхнюю губу и выбило Сейчас увезут в госпиталь. Будешь писать письма напиши обо мне. Адрес на обороте"*.

Врачебный обход. Коротко рассказываю о своем ран Осколок мины пробил патронташ с патронами и одна осколка вошла в тело. Ударило в правый бок. В горяч думал, что это комок земли.

- Ну теперь терпи, солдатик.

Врач, упираясь в меня сапогом, изо всей силы де щипцами мой осколок. Падаю в обморок и очухиваюсь ле нашатырного спирта. Как давно я не видел прост свежих наволочек, пододеяльника... Кажется, что я по рай!

Начал быстро поправляться. Как гласит русская пос ца: заживет, как на собаке. И вот меня выписывают, чаю документы, справку о ранении, продукты на три Блаженство! Погода стоит отличная, солнце жарит, и п мысль – надо искупаться.

Вдали рокочет гул пушечной и пулеметной пальбы. но могучий великан играет, грохочет своими железным рями.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НАВОДЧИК

После войны он стал отличным поваром, работал в р ране "Южный Урал". Мы с ним дошли до рейхстага, а п войны часто встречались, переписывались.

Когда я нашел свою новую батарею и впервые его уви он возлежал на нарах и наигрывал турецкий марш на фейной губной гармошке. Володя в свое время взял в немца, и тот за то, что оставил его в живых, подарил рус му солдату эту музыкальную игрушку. Даже научил д трем простым мелодиям. Остальное Володя подбира слух. Мы воевали, чистили пушку или строили блинда эта гармошка, фронтовая подруга, всегда была у Воло кармашке, где обычно носят расчески. Но часто торчал рту, и только сон заставлял ее замолчать.

Володя Теплых был замечательно музыкальный навод Когда он узнал, что я с Урала, то сразу отложил свою мошку в сторону. Давай обниматься со мной: *"Ведь м тобой земляки! Я из Челябинска"*.

Его товарищ, гвардеец, родом из Казани, тут же с вольственим угостил меня жареной картошкой по-татар Я до сих пор люблю готовить самым дорогим гостям простое, но вкусное народное блюдо. При этом желате "боевые сто грамм" до этого лакомства приберечь.

"ОПЫТ ЛЮБВИ"

Однажды и.о. командира орудия Володя Теплых при из штаба в радостном возбуждении: *"Сегодня разреш сходить вечером на отдых в клуб. На пару часов. Соби ся"*. Я как раз сижу и читаю рассказ Мопассана "Опыт л ви", его пространные размышления о природе женщины. вом, сплошная лирика в голове! (Любовь в ту пору я еш пережил, и мне она представлялась чем-то высоким, б ственным).

Сборы у нас недолгие. Снимаю свой вещмешок и не гордости достаю из него зеленые штаны, гражданские тинки. Их мне подарил один английский офицер, кото мы освободили, когда ходили за "языком". У Вовки чуть за из орбит не выпали, когда он увидел такое богат Надо сказать, он потом частенько пользовался моими нами, иногда и без спросу. Любил пофорсить перед сла полом.

И вот мы в местном клубе. Война войной, но танцы, ства даже в то суровое время никто не отменял. Я при шаю девушку. Она – невысокая брюнетка, с кукольным чиком. Танцуем, что-то говорю ей на ушко и нахожу седьмом небе от счастья.

Танцы закончились. Надо проводить свою "куколку" (т ее мысленно назвал) домой. По дороге рассказываю ей у нас передышка, стоим на формировании и наверняка ро на передовую - продолжать выполнять свою грубую скую, солдатскую работу...

- Вот мой дом, – вдруг говорит она. Я притягиваю девч к себе и неловко пытаюсь поцеловать.

- И не думай, и не мысли, и не выйдет ничего...- "куко отстраняет меня и стремительно убегает в свой дом.

Возвращаюсь, размышляя. Что-то не то написал лю обильный француз, господин Ги де... Что-то не то. Ни он не смыслит в женщинах! Или уж я такой деревен профан?..

Виктор ГУБА